

В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.)

С. М. Шамин

После того, как на церковных соборах 1666—1667 гг. восточные патриархи произнесли проклятия над старообрядцами, последние стали приходить к выводу, что единственный оплот православия, бывший доселе в Московском государстве, рушится, а истинное христианство гибнет. Наиболее активные последователи старой веры принялись с напряженным вниманием отыскивать признаки наступления последнего времени. Уже в 1668 г. в отдельных районах России перестали пахать и сеять, считая, что скоро придет день страшного суда. Вспышки ожиданий второго пришествия наблюдались и позднее при Петре I¹.

Видное место в старообрядческой эсхатологии занимало явление пророков Ильи и Еноха. О них неоднократно писал протопоп Аввакум: «А преже его антихристова царства придут паки на землю плотию Илья и Енох со Иваном Богословом. И полчетверта года проповеди их будет к человеку, так же антихриста со дерзновением обличать по-тонку лезть его станут. Он же убьет их и повержет на пути града телеса их. Оне же, мертвы лежавше полчетверта дни паки оживут пред всеми людьми и въздут на небо». Аввакум же увещевал: «О последнем дне и об антихристе не блазнитесь, еще он, последний черт не бывал. Нынешние бояре комнатные, ближние друзья его, еще возятся яко бесы, — путь ему подстилают и имя Христово выгоняют. А как вычистят везде, так еще Илья и Енох — обличители преже придут, а потом антихрист — в свое время»².

Любопытно, что именно к тому моменту, когда в русском обществе начинает назревать породивший эсхатологические ожидания раскол, в Россию из Европы попадают вестовые письма и газеты, в которых содержится сообщение о двух загадочных старцах, чьи похождения заставляют вспомнить об Илье и Енохе.

Письменные и печатные вестовые письма (летучие листы), а также газеты (в русской терминологии куранты) из разных европейских государств начинают попадать в Москву с первых десятилетий XVII века. Их доставляют в Посольский приказ порубежные воеводы, приезжие иноземцы и купцы. Со второй половины 1660-х гг., после организации от Москвы до Риги и Вильно почт по европейскому образцу, вестовые листы и газеты доставляются в Посольский приказ регулярно. Они, в какой-то мере, заменяют русскому правительству постоянные представительства за границей. Полученные сведения докладываются Боярской Думе и лично государю³.

Самое раннее из сохранившихся вестовых писем о старцах относится, вероятнее всего, к концу 1650-х — началу 1660-х годов. Озаглавлено оно «из Палермии государства Сицилийского, отпущен к наилучшему достоинству Угорские земли

подкоролю и великому учителю святыя веры Иерусалимския». В конце одного из двух сохранившихся списков имеется помета: «Списание сие пришло из Палермии Сицилийского господарства, во Угорскую землю ко благоверному подкоролю и учителю святыя веры и властителю страны тоя. И из угорской земли прислано к великому государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси»⁴.

В Москве этот текст должен был попасть в Посольский приказ. Заглавие сообщения вполне соответствует принятым в приказе нормам. Припись же не совпадает с формулярами, которыми пользовались посольские переводчики. Она скорее показывает, что список был снят для частного лица и переписчик стремился подчеркнуть официальный характер документа, желая придать ему больший вес. Может возникнуть подозрение, что перед нами фальсификация, а сведения об официальном характере источника — выдумка. Однако, приписи можно доверять, поскольку для известий о старцах в листах более позднего времени удалось найти источники в делопроизводстве Посольского приказа.

Летучий листок сообщает, что в Палермо пришли два старца, которые объявляли себя пророками, обличали грехи, называли этот город вторым Садомом и призывали к покаянию. Старцев арестовали. Затем их стали допрашивать иезуиты. Арестованные сообщили, что пришли «из Гатцкие земли». Возок, на котором старцев повезли в Рим, распался на части. К тексту был приложен список из десяти пророчеств на 1661—1670 годы. Их последовательность такова — большой бой по всей вселенной, пастыря не будет, не много Христа узнают, большое «порухение» по всей земле, гнев божий по всей земле, реки кровью восстанут, восстанет великий муж, Еврика и Африка устроятся, в Троице великого бога узнают по всей вселенной и, наконец, светила ночные погаснут, будет едино стадо и един пастух и придет последний день⁵.

Другое сообщение о двух старцах появляется в России в 1680 году. Оно находилось в комплекте голландских и цесарских курантов, которые были присланы в Посольский приказ 10 сентября через Виленскую почту. В газету новость попала с пометой «Из Гаги августа в 17 день». В ней сообщалось, что в город Ставолос⁶ пришли два старца (в этом тексте они называются не пророками, а апостолами), обличали грехи, называли город вторым Садомом и призывали к покаянию. Старцев арестовали. Затем их стали допрашивать иезуиты. Арестованные сообщили, что родились «в Галилее в городе Дамаске». По сравнению с приведенным выше сообщением присутствуют некоторые новые подробности. Указывается на необычную одежду старцев, рассыпавшийся возок заменен спавшими кандалами и т. д. Десять пророчеств относятся теперь к 1681—1690 годам. Их перечень немного отличается. Прежними остаются всеобщая война, распространение веры, «восстание» великого человека, гибель Африки, «не будет пастыря» заменено на «папам не быть»⁷.

Очевидно, вскоре документ попадает за пределы Посольского приказа. Во всяком случае, одна его копия зафиксирована А. И. Соболевским в рукописном сборнике. Можно с уверенностью утверждать, что летучий листок переписан именно с оригинала из Посольского приказа, а не переведен со случайно попавшей в Россию газеты. Об этом говорит дословное текстуальное совпадение основной части известия. Кроме того, переписчик вставил в текст пояснительную приписку с полем перевода посольского приказа, в которой указывалось, что Ставолос — испанский город⁸.

Сообщение из Гаги заинтересовало главу Посольского приказа думного дьяка Лариона Иванова. Последний в недалеком прошлом возглавлял Стрелецкий приказ и лично вел допросы вождей старообрядческого движения⁹. Он не мог не знать о распространенной среди староверов информации об Илье и Енохе. Иванов затребовал у своих подчиненных справку о старцах.

Оказалось, что еще в 1678 г. польские послы передали в Посольский приказ сообщение, которое пришло в Яворов из Франции. Там два старца появились в городе Мирии. Они проповедовали и обличали так же как в Ставолосе и Палермо, родом же оказались греки и говорили на «глад(ц?)ыйском» языке. Старцы также вели прения с богословами, философами и учеными людьми, а после того, как их арестовали, чтобы вести в Рим, дверь открылась от крестного знамения. Список пророчеств несколько отличался от обоих предыдущих этапами конца света и состоял из двенадцати пунктов (с 1678 по 1689 гг.). Кроме того, сообщалось, что данное

пророчество подтверждается другим, найденным в Париже. Последнее было написано на еврейском языке на одной из частей каменной гробницы святого Дионисия.

Пророчество из костела святого Дионисия также нашлось в архиве Посольского приказа. Оно оказалось в статейном списке бывшего в 1675 г. на резидентстве в Варшаве Василия Тяпкина. Парижское известие лишь частично совпадало с приведенным польскими послами текстом. В него входило восемь статей с 1672 по 1680 год. Во всех пророчествах наиболее стабильно повторяющимся пунктом была гибель Африки. Все три сообщения подклеили в столбцы с пометами «для преду», «впред для спору и для ведома», «впред для ведома».

В одной из ближайших почт перевели еще и статью, в которой указанное пророчество опровергалось. Из Утрехта писали, что «Вести, которые были из Ставолоса о двух старых мужах, которых именовали пророками, ныне подлинно о том объявилось, что лож потому, что в прошлом, 1658 г. мая в 21 день в курантах такое ж пророчество в городе Менге обрестись может. И совершенно тогда, что в 1670 году будет страшной судной день, и то пророчество не сбылось, и потому явно, что и нынешнее пророчество тако ж ложно»¹⁰.

Устойчивый интерес внешнеполитического ведомства России к европейским пророчествам кажется довольно странным. Их не только собирали по самым разным дипломатическим каналам, но и тщательно проверяли, сопоставляя между собой. Кроме приведенных текстов в курантах 1680 г. можно отметить еще пророчество из Лейпцига. Оттуда писали, что «Прошлой недели умерло в новом и старом месте 186 человек, а другой недели 130 человек. Среди них 4 мастера, 2 лекаря, и у одного из лекарей в доме 7 человек. И так уж во всех улицах поветрие вкралось. Причем в неких прошедших днях у начального мастера именем Селнекере, которой уж сто лет умре, меж писем его нашли такое написание пророка. Три главы сими словесы: «1680 году моровым поветрием, в 1681 от голода, а 1682 в войне от пролития крови не умрет, а в 1683 году здоров и жив будет, даже до 1688 году великие чудеса увидит со страшем, еже учинится в тех временах. А буде когда мир в те времена не учинится, то истинно великие чудеса будут». Такое внимание к европейским эсхатологическим сообщениям можно объяснить только собственными ожиданиями конца света. Очевидно, они не только широко распространились между старообрядцами, но, в какой-то мере, были свойственны и представителям государственной элиты, которые придерживались ортодоксального православия.

Вызывает удивление и то, что информация из внутриведомственных документов посольского приказа (куранты составлялись всего в двух экземплярах и, случалось, даже запечатывались прямо на заседании Думы)¹¹ могла становиться достоянием общественности.

О том, что это случалось неоднократно, говорит судьба следующего сообщения о старцах. Известие относится к 1695 году. Соболевский отметил четыре рукописных списка этого летучего листка. Как источник сообщения названы «Мальтийский остров», «от кавалеров острова Астроматанского, в городе Мальте» и «от кавалерства острова Политанского». Последнее заглавие тоже подразумевает Мальту, поскольку в географической номенклатуре того времени Мальта была единственным островом, находившимся во владении «кавалеров». Такие разночтения в заглавиях объясняются многократным переписыванием текста. Припись одного из вестовых писем указывает на первоначальный источник распространения этой информации — «Сей лист на Москве, в Посольском приказе, тогда его и списали»¹².

Попадавшая в летучие листки информация о старцах позднее вновь возвращалась в государственные инстанции, но уже в составе судебно-следственных дел. Такие данные за первые десятилетия XVIII в. обнаружил А. С. Лавров в материалах тайной канцелярии. Сообщение из «Малтийского града» упоминается в доносе крестьянина Фомы Панкратьева на Сергея Михайлова и других олонецких старцев. Последние будто бы при нем читали и давали читать ему скорописную тетрадь, в которой написано, что «в некоем Малтийском граде ходили два некия белыя старика, назывались де пророками Ильею и Енохом, и будто сказывали о «кончине века». Лавров отмечает, что «газета» обращалась в среде, где читались и переводные и оригинальные эсхатологические сочинения. Новое свидетельство о чтении «газеты» было найдено в деле священника Саввы Дугина, ярого противника петровских церковных реформ. Во время следствия удалось установить, что несколько таких листков переплавалось из рук в руки на заводах в Воронежской губернии, еще два

списка обнаружались в Харькове у полковника Веревкина и прапорщика Патрикева. Другая подобная «газета» упоминалась в деле крестьянина Акинфия Сычева. Он списал ее в селе Морша Тамбовского уезда на торгу у какого-то мужика. Читая книги, Сычев создал свою интерпретацию православной эсхатологии. Апокалиптическим зверем он считал Петра I, великой блудницей — Анну Иоанновну, а Вавилоном — Петербург.

Изучая описанные выше дела, Лавров пришел к выводу, что известия о двух старцах — новый, появившийся в XVII—XVIII вв. письменный жанр, примыкающий к апокрифу, но отличающийся от него предельно «осовремененной» формой — эсхатологическая газета¹³. Подобное мнение нельзя считать ошибочным. Текст о двух старцах действительно примыкает к апокрифам, но первоначально сложился он в Европе. В России же массовая переписка реального газетного текста постепенно превратила его в своеобразный жанр народной литературы. Это выразилось в постепенном стирании географических ориентиров, что мы видели выше на примере сообщения с Мальты. Особенно усилился процесс превращения газетной статьи в литературное произведение в начале XVIII века. В деле Сергея Михайлова впервые названы имена Ильи и Еноха. Если раньше эти имена угадывались то теперь текст известия смело адаптируется к бытующим в России представлениям.

Наиболее ярко разрыв между известиями курантов и распространявшимся из рук в руки по самым разным уголкам России текстом виден на примере «эсхатологической газеты», вновь сообщавшей о старцах и послужившей поводом к целому «делу» 1735 г., обнаруженному Н. Н. Покровским.

Источником распространения летучего листка была канцелярия Владимирского драгунского полка. Рукописное известие о старцах туда принесла жена полковника, которая получила его от подруги из Переславля. Канцеляристы сняли с него копии не только для полковничихи, но и для себя. Из Владимирского полка известие попало в Новотроицкий полк в Харькове, а затем в воронежский полк ландмилиции. Внимание сыскных органов документ привлек только оказавшись в руках воронежских посадских людей. Очевидно, в офицерской и канцелярской среде листок расценивался скорее как развлекательное чтение, не имеющее противозаконной окраски (сроки большей части предрекаемых чудес прошли). В кругу посадских людей к нему, очевидно, отнеслись более серьезно, что и повлекло за собой донос.

Текст озаглавлен так: «Газет, то есть новина, з Волоских краев прислан есть до Кракова и всей епархии града Кантелинь». «Пророческая» часть относится к 1731—1739 годам. Использование слова «газета» вполне объясняется изменившимися с начала XVIII в. нормами языка. Но куранты XVII в. переводились целыми комплексами, конкретный источник происхождения каждого сообщения не указывался. Кроме того, термин «газета» появляется прямо в заглавии, что никогда не пришло бы в голову профессиональным переводчикам.

Сам текст тоже имеет следы народной обработки. В частности, после описания старцев переводчик или переписчик указывает, что они: «подобны суть апостолом Илии и Еноху». Смешанный русско-украинский язык текста (определение публикатора) также совершенно не характерен для приказной лексики. Покровский считает этот памятник народным творчеством, которое стремится придать созданному памятнику характер официального печатного документа. Характерно, что это мнение совпало с взглядами официального следствия. Даже термин «газета» в материалах дела был заменен словом «авизия». Однако один из подследственных, прапорщик С. Д. Кудрявцев, в ответ на обвинение в распространении «авизии» отвечал, «что такие авизии не тайные, но явные и есть де и друкваные (печатные.— Ш. С.)»¹⁴.

В настоящее время, наверное, уже не возможно выяснить, с каким именно источником мы в данном случае имеем дело. Был ли это многократно переписанный документ Посольского приказа или прошедший через многие руки непрофессиональный перевод. Гораздо интереснее сравнить судьбу пророчеств во второй половине XVII и в начале XVIII веков. Если в первом случае от порубежного воеводы подобное сообщение попало бы в Посольский приказ, и там вызвало бы если не доверие, то во всяком случае попытку проверить его подлинность, то в нач. XVIII в. канцеляристы и офицеры передавали известие о старцах друг другу скорее как развлекательное чтение, а не как серьезную информацию. Когда же текст попал в поле зрения государственной власти, им занялись не дипломатические, а следственные органы.

Известие о необычных старцах почти столетие бытовало в России в переводах курантов, других документах Посольского приказа, вестовых листах и рукописных сборниках. В определенной мере подобное долголетие объясняется его широким распространением в Европе и неоднократными переводами на русский язык. Однако решающим фактором все же было то, что данный текст затрагивал остро стоящие в самой России проблемы. Главной питательной почвой для распространения сообщений о старцах были эсхатологические настроения, которые необычайно усилились в русском обществе после церковного раскола. В XVII в. основным источником распространения данного известия являлся Посольский приказ. Именно туда регулярно доставлялись европейские новости, там имелся штат профессиональных переводчиков и регулярно осуществлялись переводы. Оттуда, благодаря несовершенству аппарата приказа, листки распространялись по всей России. Во второй половине XVII в. культурный разрыв между государственной элитой и широкими народными массами, питавшими старообрядчество, еще не был достаточно сильным. Одни и те же эсхатологические пророчества интересовали и руководителей государства и их противников. Ситуация резко меняется с началом ускоренной модернизации страны при Петре I. Теперь пророчество бытует в основном в простонародной среде и постепенно превращается в жанр народной эсхатологической литературы. Государство же преследовало распространителей данного текста, поскольку он оказывался идеологической опорой для противников власти.

Примечания

1. МИЛЮКОВ П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 1. М. 1994, с. 55—61.
2. АВВАКУМ. Книга толкований. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М. 1989, с. 428; МИЛЮКОВ П. Н. Ук. соч., с. 58—59.
3. КОБЗАРЕВА Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Канд. диссертация, М. 1988.
4. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб. 1903, с. 240; Чтения в обществе истории и древностей российских. 1884, № 3, с. 13—14.
5. Там же.
6. Географические названия даются в современной транскрипции, там, где названия не удается идентифицировать однозначно, используется терминология источника.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 155, оп. 1, 1680, д. 4, л. 4—11.
8. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Ук. соч., с. 248, 249.
9. Ответ старца Авраамия. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М. 1989, с. 508—523.
10. РГАДА, ф. 155, оп. 1. 1680, д. 4, л. 4—11, 23, 24.
11. РГАДА, ф. 155, оп. 1 1680, д. 4, л. 60, 61, 106 об.
12. СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Ук. соч., с. 249—250; ГЕОРГИЕВСКИЙ В. Флорицева пустынь. Вязники. 1896, с. 238.
13. ЛАВРОВ А. С. Колдовство и Религия в России 1700—1704 гг. М. 2000, с. 250—252.
14. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. Исследования по древней и новой литературе. Л. 1987, с. 290—296, 297.